ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВОСТОКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Marina KASUMOVA [1]

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс зарождения и развития российского научного востоковедения, показаны основные его этапы. Наибольшее внимание уделяется научному ориенталистскому дискурсу по вопросам российско-азиатского взаимодействия в XIX веке. Дается анализ основной литературы по проблеме, как российской, так и зарубежной.

Ключевые слова: Россия, Азия, научное востоковедение, литература

Kasumova, Marina. "Issledovanija Rossijskih Reprezentacij Vostoka Pervoj Poloviny XIX Veka". *idil* 4.16 (2015): 183-193.

Kasumova, M. (2015). Issledovanija Rossijskih Reprezentacij Vostoka Pervoj Poloviny XIX Veka. *idil*, 4 (16), s.183-193.

[1] Doçent, Fatih Üniversitesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, İstanbul, доцент, кандидат филологических наук, kasumova@mail.ru mkasumova(at)fatih.edu.tr
This work is supported by the Scientific Research Fund of Fatih University under the project number "P51171402_B".

STUDIES OF THE RUSSIAN REPRESENTATIONS OF EAST IN THE FIRST HALF of 19th CENTURY

ABSTRACT

The article examines the process of origin and development the Russian scientific Oriental Studies shows the main stages of his. The greatest attention is paid to scientific Orientalist discourse on Russian-Asian interaction in the XIX century. Analyzes the main literature on the problem Russian and foreign.

Keywords: Russia, Asia, Oriental Scientific Literature

Исследования Востока имеют давнюю традицию. Первые попытки изучить представления российского общества об Азии относятся к середине XIX века. Одной из первых работ стала статья В.В. Григорьева по поводу выхода в свет в 1856 г. книги П. И. Небольсина «Очерки торговли России с странами Средней Азии…». Чтобы объяснить причину возникновения подобных представлений, Григорьев сделал достаточно широкий обзор российской литературы об Азии, начиная от газетных публикаций, вплоть до воспоминаний и заметок путешественников-россиян, ранее посещавших Восток по самым разным поводам. Григорьев, тем самым, изначально сформировал особый канон подхода к проблеме и ее изучения, в основе которого была комплексность исследований Востока и его репрезентаций в Российской империи, в различных общественных слоях и группах (Григорьев: 111 – 113).

Следующим важным этапом, без сомнения, стал цикл лекций В.В. Бартольда по теме «История изучения Востока в Европе и в России» (1911 г.) Бартольд выделял в своих лекциях две главных тенденции в развитии всего российского востоковедения. Первая тенденция, сформировавшаяся раньше – практическая. Это, прежде всего, путешествия на Восток. Вторая тенденция, возникшая и стремительно развивавшаяся – академическая. По словам В.В. Бартольда: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе. В это время совершенно изменились условия научной работы. В Академии наук уже с первых лет XIX в. гуманитарным наукам, в том числе востоковедению, было отведено более значительное место, чем прежде...» (Бартольд: 203). Именно Бартольд был одним из тех, кто сделал Проблема изучения стереотипов в европейском и русском общественном сознании, связанных с Востоком, была впервые поставлена как научная проблема, именно академиком Бартольдом. Особенно четко это проявилось в его статье «Азиатская роскошь», где подробно прослежен генезис этого понятия и его репрезентаций во времена античности.

Другой исследователь – И.Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики» говорит о большом интересе российского общества первой половины – середины XIX века к востоковедению (Крачковский: 85), Крачковский прямо пишет, что «как в Москве, так и в Петербурге 20 – 40-х годов молодые ориенталисты оказываются вовлеченными в круг литературных интересов эпохи» (Крачковский: 109).

Статья Н.И. Конрада «Старое востоковедение и его новые задачи» анализирует быстрый процесс развития востоковедения и его институализацию, как научной дисциплины. Конрад, прослеживая два

основных направления российского ориентализма, продолжая развивать и дополнять идеи Бартольда, выделяет два направления: практическое востоковедение, сложившееся как ответ на военно-политические, дипломатические и экономические потребности европейских государств, связанные с колониальной экспансией на Востоке, и, востоковедение научное. Последнее, отмечает Конрад, «родилось как филология, и притом филология в своем исконном... смысле: как наука о письменных источниках» (Конрад: 7).

В 1970-е годы появилась серия работ Б.М. Данцига и Н.А. Халфина, которые стали наиболее значительным вкладом в рассматриваемую проблему. Данциг в своей работе «Ближний Восток в русской науке и литературе» анализирует сведения, собранные и представленные россиянами, посетившими Восток. Автор приводит маршруты их путешествий, обращает внимание на красочные описания наиболее ярких деталей восточной жизни. Об особенностях российского востоковедения первой половины XIX века Данциг высказывается следующим образом: «Старое, дореволюционное русское востоковедение, особенно его академическое направление, было далеким от изучения политической жизни современного ему Востока, его экономики и даже новейшей истории... Вопросы текущей жизни, современной политики... и отчасти экономики освещались, главным образом в работах офицеров Генерального штаба, членов Географического общества... Большой интерес к современному Востоку всегда проявляла и русская публицистика» (Данциг: 384). Данциг одним из первых обосновал необходимость изучения «ориентализма» XIX века, как самостоятельной, специальной «отрасли культурно-исторических знаний» (Данциг: 163, 127).

В исследовании Н.А. Халфина в первую очередь анализируются торгово-экономические аспекты проникновения России в Азию, в частности подробно изучается вопрос отношения высшей российской имперской бюрократии к проблеме российско-азиатской торговли (Халфин: 94 – 95, 136 – 138, 161 – 166).

В монографии «Восточный вопрос во внешней политике России» тщательно прослеживается и анализируется развитие политических отношений России и Османской империи. Объяснение мотивов действий Российской империи на Востоке (проблема в «стремлении царизма к новым завоеваниям, связанным с удовлетворением интересов господствующего класса дворянства») (Восточный вопрос: 65), несмотря на различия в подходах и методах, как ни парадоксально, но не очень отличается от британской консервативной историографической традиции.

Теоретическое осмысление восточных обществ в дореформенной России, как считают некоторые современные исследователи, как правило, зависело от отдельных авторов, либо от целых идейных течений, к которым они принадлежали. В.Н. Никифоров, например, изучал теоретические представления о восточных обществах используя оптику воззрений славянофилов, в первую очередь, И.В. Киреевского, на проблемы истории общины и частной собственности в России (Никифоров: 104 – 106).

В.И.Овсянников, рассмотрел взгляды и оценки издателей и авторов журналов «Современник» и «Отечественные Записки» по вопросам государственной власти в Османской империи, Автор сделал вывод о том, что «она в основном воспринимается как своеобразное отражение России» (Овсянников: 12, 29).

В монографии «История отечественного востоковедения до середины XIX века» дается всеобъемлющий обзор деятельности основных центров научного востоковедения России, а также исследуются взгляды на Восток представителей демократического направления в русской литературе и публицистике, включая декабристов и близких к ним по мировоззрению людей. Выводы, содержащиеся в работе, отражают уже упоминавшиеся выше взгляды Б.М. Данцига и Н.И. Конрада относительно особенностей российского востоковедения первой половины XIX века. Обосновано утверждается, что, «востоковед этого времени обычно был и политологом, и историком, и лингвистом, и литературоведом», но, в то же время – «главным содержанием востоковедных исследований было выявление, перевод и комментарий древнего или средневекового источника... Актуальными и политическими вопросами восточных стран ориенталисты, как правило, не занимались» (История отечественного востоковедения до середины XIX века: 371).

Российские репрезентации Востока попадали с область интересов филологов и литературоведов, как правило, в связи с исследованием творчества А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, А.А. Бестужева-Марлинского и их современников.

Советский литературоведческий дискурс ввел социально-политическое измерение в исследования. Так, в 1935 г. вышла статья Н. Свирина «Пушкин и Восток». Анализируя содержание «Бахчисарайского фонтана», автор приходит к выводу, что «антитеза... креста и полумесяца, Востока и Запада, дикой татарской орды и цивилизованной Европы отражала реальные общественные противоречия той эпохи, и прежде всего многовековую борьбу русского государства с мусульманским Востоком. Эта старая, исконная борьба, отнюдь

не закончившаяся и в XIX веке, проложила глубокие борозды в мировоззрении и психологии русского дворянства» (Свирин: 222). Ментальность русского дворянства в статье подробно не анализируется, но многие тезисы автора получили дальнейшее развитие в исследованиях литературоведов, например Д.И. Белкина, который в своих работах активно использует понятие «мир Востока». В частности, он пишет: «В первой четверти XIX в. мир Востока представал перед дворянскими революционерами как комплекс внутригосударственных и внешнеполитических, экономических и географических, религиозных и национальных факторов, тесно между собой переплетенных» (Белкин: 354).

Литературоведы, исследующие тему «Пушкин и Восток», анализируют основные источники информации поэта о Востоке, особенности эстетического восприятия Востока, как самим Пушкиным, так и его современниками, а также отмечают постоянный рост интереса к Азии в российском обществе в первой половины XIX в. (Ениколопов: 11 – 12; Лобикова: 6). Помимо этого, некоторые авторы в первую очередь отмечают различия в представлениях о Востоке самого Пушкина и его современников-литераторов (Тартаковский: 134).

Исследования А.Дж. Гаджиева (Гаджиев, 1973) и Ф.Р. Мурадовой (Мурадова, 1990) посвящены «ориентальному» направлению в русской литературе. Представляется важным вывод Гаджиева о том, что «...необходимо изучение творчества ведущих писателей на фоне массовой литературы их времени и в связи с нею» (Гаджиев: 4). Несомненно, что очень большое значение имела работа Н.Я. Эйдельмана «Быть может за хребтом Кавказа» с предисловием М.С. Лазарева (Эйдельман, 1990).

В российской философской традиции дореформенного периода имеется мало работ, в той или иной мере затрагивающих ориентальную проблематику. Внимание исследователей привлекали, как правило, либо конкретные идейные течения (например, славянофильство), либо известные и яркие персоналии, такие, как П.Я. Чаадаев (Рашковский, Хорос, 1988). Относительно мыслителей «второго ряда» существуют достаточно фрагментарные упоминания о них в отдельных работах (Шпет: 418).

В 1990-х была проявилась тенденция к созданию работ обобщающего характера, в которых российско-азиатское взаимодействие изучалось в самых широких хронологических рамках и в различных аспектах, например, с точки зрения религиозного взаимодействия и взаимовлияния. Можно выделить книгу Р.Г. Ланды «Ислам в истории России».Автор исследовал, помимо

прочего, восприятие ислама в России XIX в., а также политику русского правительства в отношении своих мусульманских подданных (Ланда: 105 – 140).

Учитывая международный характер проблемы, темы «Россия и Азия», «Российское проникновение на Восток» разрабатывались также зарубежными исследователями. Известно, что в XIX в. работы российских авторов о Востоке/Азии публиковались на французском и немецком языках, в то время, как политика России в Азии подробнейшим образом анализировалась прежде всего в английской историографии. Изучение отношения России к Востоку подпитывалось в Британии прежде всего внешнеполитической актуальностью этой проблемы: в XIX веке многие азиатские территории, прежде всего, владения Османской империи, стали ареной соперничества за политическое и экономическое влияние между Россией и Великобританией. Важнейшей чертой британской историографии XIX в., в частности, работ Г. Раулинсона (Rawlinson, 1875) и А. Краузе (Krausse, 1973), являлась их публицистическая направленность против российской официальной идеологии и внешней политики: поведение России на Востоке анализировалось в первую очередь с точки зрения ее потенциальной угрозы для владений Британии в Индии. Авторы могли использовать немногочисленные, опубликованными к тому времени на европейских языках российские документы по вопросам внешней политики. Раулинсон и Краузе подчеркивали «агрессивный милитаризм» внешней политики России, ее перманентное и непреходящее стремление к захвату обширных территорий в Азии. Они проецировали достаточно острую и чреватую конфликтами внешнеполитическую ситуацию последних десятилетий XIX в. на всю историю отношений России и Востока. При этом отметим, что Краузе отмечал более глубокое понимание русскими особенностей восточной ментальности, а также то, что Российская империя несет-таки на покоренные территории «полуцивилизованную систему управления вместо варварской» и утверждая там «принцип безопасности жизни и неприкосновенности собственности» (Krausse, 138 – 139).

Известно, что политика России на Востоке неоднократно затрагивалась в работах и переписке К.Маркса и Ф.Энгельса. В письме Марксу Энгельс, к примеру, весьма негативно оценивал имперской политику русского правительства, признавая, вместе с тем, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» (Энгельс, т. 27: 241). Однако многие суждения Маркса и Энгельса о российской внешней политике находились в рамках британской публицистической традиции. Например, в работе «Внешняя политика русского царизма» Энгельс выдвигает уже

привычный для английской прессы тезис об извечном стремлении России к достижению «мирового господства» (Энгельс, т. 22: 22), в частности, за счет захвата территорий в Азии (Энгельс, т. 22: 28).

В целом эти тенденции в оценке внешней политики России продолжали сохраняться в британской научной литературе и в начале XX в. Однако уже в 1920 – 1930-е годы в англо-американской историографической традиции оформляется более комплексный и взвешенный подход к вопросам взаимоотношений России и Востока. В целом, интерес авторов выходивших в это время работ было приковано в основном к внешнеполитическим событиям, тем не менее, многие исследователи пытались обрисовать мотивы действий российских властей при принятии тех или иных решений. Очень важной, в этом смысле, стала работа В.-Дж. Перье «Англия, Россия и проблема Проливов. 1844-1856». Анализируя русские источники, прежде всего публикации Ф.Ф. Мартенса, автор подвергает резкой критике стереотипы и общие места, устоявшиеся к тому времени в англо-американской историографии. Перье приходит к выводу об отсутствии у русского правительства во времена правления Александра I и Николая I стремления к территориальным захватам на Востоке. По его мнению, Россия пыталась выработать единые принципы европейской политики в отношении Османской империи, а также решать возникавшие внешнеполитические конфликты мирными средствами (Puryear: 7 – 11, 27). Данную концепцию автор воспроизвел также в своей работе «Международная экономика и дипломатия на Ближнем Востоке. Исследование британской торговой политики в Леванте. 1834-1853» (Puryear: 5).

В книге «Россия в Азии»сА.Лобанова-Ростовского, – представителя русского зарубежья, – изданной в США содержится апология внешней политики Российской империи. Политику России в отношении Османской империи Лобанов-Ростовский объяснял «византийской традицией», характерной для российской общественной мысли. Кроме того, он отмечал понимание «азиатской психологии» российскими политиками и военачальниками, в частности А.П. Ермоловым (Lobanov-Rostovsky: 113, 119, 107)

Эти два направления в трактовке российской внешней политики в Азии можно условно обозначить как назвать апологетическое и критическое. Они сохранялись в англо-американской историографии и позднее. Можно отметить несомненно важную работу «Век в истории русской внешней политики. 1814 – 1914» американской исследовательницы Б. Джелавич, которая успешно проанализировала эксплицитные и имплицитные мотивы внешнеполитических

решений российского правительства, а также отношение российского общества к Востоку.

Уже в начале 1960-х годов формируется более глубокий подход к проблеме российско-азиатского взаимодействия. Авторы пытались не только воссоздать и проследить ход внешнеполитических событий на Востоке и определенным образом прокомментировать их, но также исследовать их истоки в российском политическом, культурном дискурсе. Так, Гримстед в книге «Министры иностранных дел при Александре I» описывает «дипломатический контекст» внешней политики России, характеризует мировоззрение политического класса России в изучаемый период (Grimsted: 42 – 44).

С точки зрения автора работы «Борьба за Азию: 1828 – 1914», российско-английское соперничество в XIX в. носило глобальный характер и затрагивало все пространство Евразии (Gillard*:* 2 – 3). Автор пишет о необходимости изучения взглядов достаточно широкого круга лиц, в той или иной степени причастных к внешнеполитическим решениям, в том числе дипломатов и журналистов: «Понимание истории международных связей подразумевает понимание их поведения» (Gillard*:* 4). Представляется, что в целом выводы исследователя в отношении российских воззрений на Азию довольно взвешены, но не слишком подробны и глубоки. В частности, он отмечает стабильность политики Николая I в Азии в целом. Говоря о стремлении России к расширению азиатских владений, Джиллард отрицает наличие у российского правительства каких-либо агрессивных замыслов по отношению к Индии (Gillard*:* 64).

Краткий очерк суждений о Востоке отечественных «интеллектуалов» написал представитель русского зарубежья Н.В. Рязановский. Исследование охватывает период со времен Киевской Руси до XX века (Рязановский, 1997).

Наиболее интересной и рубежной представляется работа, Э. Саида «Ориентализм» (1978). Исследователь, опираясь на концепцию М Фуко «власть – знание», трактует «ориентализм» как академическую традицию, которая в XIX веке оказывала влияние на европейские институты государственной власти, литературу, прессу и другие сферы культуры, а также на массовые представления о Востоке (Said: 3, 203). Отметим, что такое понимание «ориентализма» во многом созвучно взглядам Крачковского, Конрада и Данцига. Характеризуя «ориентализм» как стиль мышления, свойственный не только европейцам, но и россиянам (Said: 1), Э. Саид говорит о комплексе представлений относительно восточного деспотизма, восточной роскоши, общественного застоя (Said: 4, 203). Автор не дает сколько-нибудь подробной характеристики этих

стереотипов, также как и русского «ориентализма», сосредоточив свое внимание на западноевропейской культурной традиции.

Bibliografija

Бартольд В.В. Сочинения. т. IX. М., 1977.

Белкин Д.И. Зарождение демократического направления в русской литературе и публицистике о Востоке в XVIII – первой четверти XIX столетия. – История отечественного востоковедения, гл. 8.

Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978.

Гаджиев А.Дж. «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина и русская очерковая проза второй половины 20-х-30-х годов XIX века. Канд. дисс. ... М., 1973.

Григорьев В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должность профессора В. Григорьевым. Одесса, 1840.

Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973.

Ениколопов[Энаколопашвили] И.К. Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, 1975.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.

Конрад Н.И. Запад и Восток: Статьи. М., 1966; 2-е изд., 1972.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. – Л., 1950.

Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995.

Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. М., 1974.

Мурадова Ф.Р. Восточная тематика в литературных альманахах 20-30 годов XIX века. Канд. дисс. ... Баку, 1990.

Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975.

Овсянников В.И. Восток в общественно-политической мысли России (середина XIX века): Научно-аналитический обзор. М., 1990.

Рашковскии Е.Б.. Хорос В.Г. Проблема «Запад Россия-Восток» В философском наследии П.Я.Чаадаева. / Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.,

1988.

Свирин Н. Пушкин и Восток. // Знамя. М., 1935, кн. 4, апрель.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974.

Шпет Г. Г. Очерки развития русской философии. Свердловск, 1991.

Энгельс Ф. – Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 22, 27. М., 1962.

Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990.

Gillard D. The Struggle for Asia: 1828 – 1914. A Study in British and Russian Imperialism. L., 1977.

Grimsted P.K. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct jof Russian Diplomacy. 1801 – 1825. Berkeley – Los Angeles, 1969.

Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy: 1814 – 1914. Philadelphia – N.Y., 1964.

Krausse A. Russia and Asia: a Record and a Study. 1558 – 1899. L. – N.Y., 1973.

Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. N.Y., 1933.

Puryear V. J. England, Russia and the Straits Question: 1844 – 1856. Berkeley, 1931.

Rawlinson H. England and Russia in the East: a Series of Papers оп the Political and Geographical Condition of Central Asia. Sir Henry Rawlinson, L., 1875.

Said Ed. W. Orientalism. L. – Henley, 1978.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (CGADA). 1702, d. 1; 1703, d. 3; 1704, d. 3; 1705, d. 4; 1706, d. 3; 1707, d. 3; 1708, d. 2; 1709, d. 1.

Sobolevskij A. I. Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV-XVII vekov. // Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk SPb , 1903, t. 74.

Starovol'skij S. Dvor cesarja tureckogo. SPb., 1883.

Chistjakova E. B «Skifskaja istorija» A I. Lyzlova i voprosy vostokovedenija. / Ocherki istorii russkogo vostokovedenija. M, 1963.

Shherbatov M. M. Sochinenija. T. 1. SPb.,1896.

Jengel's F. Tureckij vopros. / Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. 2-e izd. T. 9.